

Ах

ХУЛИГАН

Для принцессы!

18+

Таня Ах

Хулиган для принцессы

<https://litres.ru/74216214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Маша, и я обожаю порядок во всём: мой день расписан по минутам, гардероб отсортирован по цветам, а в голове — чёткие планы на ближайшие пять лет. У меня идеальная жизнь: перспективная работа в крупной компании, заботливый парень Матвей и уверенность в завтрашнем дне. Всё меняется в один не самый прекрасный день, когда в офис врывается Максим Воронов — сын генерального директора.

Он — хаос во плоти: опаздывает, шутит не к месту и ездит на самокате по бизнесцентру. Я — воплощение дисциплины: списки дел, чёткие сроки и строгий дресскод.

Максим явно решил превратить мою идеальную жизнь в череду непредсказуемых ситуаций, а я твёрдо намерена научить его порядку. Но почему с каждой нашей перепалкой моё сердце бьётся чаще? И почему его заразительный смех всё труднее игнорировать?

И да, он решил, что я непременно стану его девушкой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Таня Ах

Хулиган для принцессы

Глава 1

— Как дела, любимая? — мягким голосом спросил Матвей, когда я почти подошла к офису.

— Всё хорошо, приехала на работу, сейчас буду заходить в здание. Как твои дела, котик? — я невольно улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло. В груди приятно защемило от его заботливого тона — с Матвеем всё казалось таким надежным, понятным, правильным.

— Я уже в кабинете, как обычно, пришёл первый, готовлюсь к планерке.

— Хорошего дня тебе, любимка, — нежно пропела я, чмокнув в трубку.

— И тебе, моя самая нежная девочка, — отозвался Матвей, и я услышала в его голосе улыбку.

Я завершила звонок и на секунду замерла у входа, осматривая себя в отражении панорамных окон. Бежевый брючный костюм сидел безупречно, волосы аккуратно уложены, макияж — сдержанный, но подчеркивающий черты лица. Довольная увиденным, я поправила лацкан пиджака и вошла в здание, поправив в голове планы на день.

С тех пор как я научилась читать и писать, составляю списки дел. Сначала это были простые вещи вроде: «почистить зубы», «съесть кашу», «нарисовать солнышко». Потом — сложнее: планы на неделю, месяц, год. Сейчас мой смартфон буквально забит заметками:

08:00–08:15 — кофе с корицей на работе в кафетерии;

10:30–11:00 — встреча с отделом маркетинга;

13:00–13:45 — обед (сегодня лосось с брокколи);

16:30 — звонок маме;

18:00 — тренировка в фитнес-клубе;

20:00 — две серии сериала «Эмили в Париже» и одна глава книги «Дело Гарри Квеберта».

Перед сном я перечитываю заметки, что-то корректирую, что-то добавляю. Утром всегда знаю, что надеть, куда сходить на обед и какой фильм посмотреть. Мой мир — это чёткие линии, понятные задачи и предсказуемые результаты.

Не понимаю людей, которые не планируют свою жизнь и идут по ней, как слепые котята. Бесцельно тратят время, опаздывают, забывают о важных встречах... Нет, это не для меня. Я верю в дисциплину, порядок и контроль.

Лифт плавно поднялся на нужный этаж, двери открылись, и я шагнула в просторный холл. Всё шло по плану — ровно в 8:02 я вошла в офис. Секретарша Лена, с которой мы обычно приходили раньше всех, махнула мне рукой:

— Маша, доброе утро! Тебе письмо от генерального распечатала и положила на твой стол.

Я кивнула, проглотив обиду на саму себя. Как можно было прийти сегодня второй? Скорее всего, это из-за разговора с Мотей. Надо записать в ежедневник, что звонить ему лучше самой в интервале 7:20–7:45. Тут же создала заметку: «Купить гарнитуру для телефона».

— Сегодня к нам присоединится... — Лена понизила голос, — Максим Воронов.

Я замерла на полушаге. Максим Воронов? Сын генерального директора? Тот самый, про которого ходят легенды. Красивый, любвеобильный разгильдяй.

«Только не это», — пронеслось в голове. В моём идеально выстроенном расписании не было места хаосу.

— Ладно, — пожала я плечами и ушла в свой кабинет.

Фирма, в которой я успешно строила свою карьеру, принадлежала Евгению Воронову. Максим был его младшим сыном и до этого дня никогда не появлялся в компании отца. Но я часто слышала, как Воронов-старший ругается с ним по телефону, обвиняя в несерьезном отношении к жизни. У меня уже сложилось мнение, что парень — ходячая проблема. Таким не место в моём окружении. Очень надеюсь, что

мы будем работать в разных отделах.

Раздвигая жалюзи на окнах, чтобы впустить солнечный свет в помещение, я читала письмо. Мой руководитель, как и я, любил бумагу и очень просил секретаря распечатывать письма для сотрудников — так он был уверен, что его поручения будут прочитаны.

«Мария, сегодня мой сын Максим в качестве наказания приступит к работе в твоём отделе. Ты хоть и самая юная моя сотрудница, но самая блестящая, ответственная и надёжная. Уверен, ты не дашь ему спуску. Введи Макса в курс дела. По всем вопросам звони мне».

Обучение мажора нет в моих планах на этот день. На эту неделю и на эту жизнь, кстати, тоже. Недовольно наморщив нос, я отложила бумагу на стол, переключаясь к делам из своего списка.

Ближе к обеду в коридоре раздался громкий хохот, а затем — звук чего-то падающего. Я вышла из кабинета, и через секунду в холле появился он: в спортивной толстовке, потертых джинсах, с взъерошенными волосами и широкой ухмылкой — на самокате. Макс Воронов ехал на самокате по паркету!

— Ой, — Воронов младший остановился в паре сантиметров от моего лица. Его глаза светились озорством. Встретив мой строгий взгляд, он продолжил: — Привет, принцесса! Не знаешь, где искать злобную Марию, мою надзирательницу Петровну?

Я непроизвольно скривилась, сложив руки на груди в замок. Внутри всё закипело: как он может так себя вести в серьёзной компании?

— Ох, вот это да! — он сделал вид, что крайне удивлён. — Неужели это вы, Мария Петровна?

— Добрый день, Максим Евгеньевич, — я постаралась говорить максимально ровно, хотя внутри всё бурлило. — Рабочий день начинается в девять тридцать, сейчас время обеда...

— Значит, я могу пойти пообедать? Супер, составишь компанию, принцесса? — он подмигнул, и это окончательно вывело меня из себя.

Я сжала папку с документами так, что побелели костяшки пальцев. План на день, который я составляла вчера вечером, трещал по швам. Сердце забилося чаще — то ли от злости, то ли от чего-то ещё, что я пока не могла определить.

«Спокойно, Маша, — мысленно приказала я себе. — Мы справимся. Просто нужно установить границы».

— Максим, — я выпрямилась и посмотрела на него самым строгим взглядом, который обычно приберегла для нерадивых практикантов. — Ты можешь пойти обедать, но в четырнадцать ноль-ноль жду у себя в кабинете.

Он на секунду замер, потом расхохотался — громко, заразительно, так, что несколько коллег обернулись в нашу сторону.

— Без проблем, Мария Петровна, — отсалютовал он. —

Но учти: я не терплю формальности. И если ты будешь называть меня «Максим Евгеньевич», я начну звать тебя «Мария, строгая училка, Петровна».

Я почувствовала, как щёки заливает румянец.

— Договорились, — выдавила я. — Но правила есть правила. И в этом офисе они работают для всех.

— Посмотрим, — подмигнул он и, развернувшись, пока-тил на самокате в сторону лифта.

Глава 2

Максим не появился в офисе после обеда. Я посматривала на часы каждые полчаса, и они будто издевались надо мной, застыв на месте. В груди нарастал ураган из раздражения и тревоги. Как можно быть таким несерьезным в его возрасте? В мои двадцать три я уже знаю цену ответственности...

Глубоко вздохнув, я набрала номер директора. Ладони вспотели — не люблю жаловаться, но ситуация выходила из-под контроля.

— Евгений Анатольевич, здравствуйте, — я старалась, чтобы голос звучал ровно, но он предательски дрогнул.

— Маша, добрый день! Как дела? Как мой Макс, нашли общий язык? — в его голосе звучала лёгкая ирония, как будто он уже знал, что произошло.

— Евгений Анатольевич, он не пришел с обеда... — я сглотнула, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Понял. Сейчас решу. Это всё? — его тон стал жестким, деловитым.

— Да, в остальном дела хорошо, — я поспешно добавила, стараясь не выдать тревогу.

— Умница. Ладно, сына беру на себя. Молодец, что позвонила, — его одобрение прозвучало тепло, но от этого мне не стало легче.

Отложив телефон, я откинулась на спинку кресла, за-

крыв глаза. В груди зародилось колючее чувство тревоги. Как Максим отреагирует на звонок отцу? Надеюсь, он поймет, что я поступила правильно... Но что-то подсказывало: ничего хорошего ждать не стоит.

Через час в холле снова началась суета: звонкий женский смех, грохот, будто кто-то уронил шкаф. И, как закономерный итог, появление Максима в моём кабинете.

— Арестант Воронов, по вашему указанию прибыл, — язвительно сообщил он, пряча руки за спиной. Его глаза блеснули вызовом, а на губах играла ухмылка, сбивающая с толку.

Я подняла глаза от монитора, выдержала его разгневанный взгляд и вышла из-за стола.

— Перестаньте паясничать. Это не профессионально, — твердо сказала я.

Максим рассмеялся — громко, раскатисто, как будто я сказала что-то невероятно смешное.

— А вы перестаньте стучать моему отцу. Вот это точно не профессионально, Мария Петровна, — он сделал шаг вперед, и я невольно отступила, ощущая жар его близости.

— Евгений Анатольевич распорядился подготовить вам рабочее место в зоне опен-спейс. Идемте, ознакомлю с фронтом работ на сегодня.

Максим молча шёл следом за мной, но я чувствовала на себе его тяжелый, изучающий взгляд, и это будоражило. Краем глаза замечала восхищенные и заинтересованные взгляды

коллег: девушки улыбались ему, заигрывали — подмигивали, поправляли волосы, смеялись. Внутри неприятно кольнуло: разве можно так не уважать себя?

— А порядок на столе навести? Мой отец не распорядился? — хмыкнул он, падая на стул и подмигивая Павлу за соседним столом.

Я устало улыбнулась, стараясь не выдать, как это задевает.

— Это не бардак, а номенклатура на имеющуюся продукцию, — я подвинула к нему папку с документами. — Сегодня вы изучайте, какие марки стекол мы выпускаем. Завтра расскажете — и приступаем к договорам на поставку.

— Скучно, — протянул он, лениво перелистывая страницы.

— Максим Евгеньевич, если будут вопросы — подходите, — я развернулась на каблуках и направилась к выходу, стараясь не показать, как сильно меня это задело.

Вернувшись в свой кабинет, я закрыла дверь и дала волю эмоциям. Глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь в руках и странное волнение. Чтобы успокоиться, открыла онлайн-ежедневник и переписала дела на сегодня, добавила новые на завтра, внесла пару заметок на вечер — что-то расслабляющее, чтобы завтра не отвлекаться на Максима.

Концентрация на цифрах и формулировках помогла вернуть контроль. Но шум за дверью снова напомнил о себе. Готовая взорваться, я поднялась из-за стола и, открыв дверь, резко отскочила в сторону. Максим и Антон тащили пись-

менный стол прямо в мой кабинет.

— Поздравляю, принцесса, я выбрал тебя! — усмехаясь, сказал Максим. Его глаза сверкали озорством, а в голосе звучало что-то, от чего по спине пробежали мурашки.

В кабинет вошли еще двое парней, заноса стул и принтер.

— Что это значит? — мой голос дрогнул, но я взяла себя в руки.

— Теперь это моё рабочее место, — невозмутимо заявил Максим, подключая ноутбук и изображая работу. — Буду под вашим чутким руководством. И, кстати, принцесса, папа в курсе... — его взгляд стал неожиданно серьёзным, почти проникновенным. — Здесь наедине с тобой мне точно будет не скучно.

Воздух наполнился напряжением — густым, почти осязаемым. Я сжала кулаки, чувствуя, как закипаю. Слишком много для одного дня.

— Хорошо, — согласилась я, понимая, что решение Евгения Анатольевича не изменить. — Но предупреждаю: никаких фокусов. Никаких опозданий. Никаких флиртов с коллегами в рабочее время.

— Ты так легко сдалась? — он слегка наклонил голову, изучая меня, будто видел впервые. В его голосе прозвучала нотка удивления, даже разочарования.

— Максим, может, приступим наконец к работе? — я старалась говорить твердо, но голос предательски дрогнул. Я была в шаге от желания разреветься и выбежать из кабинета.

— Я не планирую задержаться сегодня. У меня и без тебя полно дел.

Он помолчал секунду, потом сдаваясь, поднял руки вверх в жесте капитуляции.

— Ладно, как скажешь, — в его голосе прозвучало что-то новое — не насмешка, а скорее уважение. — Что нужно сделать?

Я на мгновение замерла, не ожидая такой быстрой смены тактики.

— Пройдись по характеристикам стёкол класса люкс. Завтра обсудим, какие из них лучше продвигать на рынке.

Максим кивнул, сел за стол и открыл папку. На секунду наши взгляды встретились, в его глазах я увидела не привычную насмешку, а что-то другое: сосредоточенность, готовность прислушаться.

Я вышла из кабинета и, остановившись у кулера с водой, посмотрела на свои трясущиеся руки. Пальцы подрагивали, будто после долгого напряжения. Глубоко вдохнула, набрала в стакан воды и сделала несколько глотков, пытаюсь унять дрожь. В голове вертелся вопрос: что я сделала не так? Почему Воронов-старший решил таким образом меня «наградить» — или, может, наказать? И почему от одной мысли о том, что Максим теперь будет рядом весь день, внутри всё переворачивается?

Оглядевшись, я заметила, что несколько коллег наблюдают за мной с любопытством. Кто-то перешептывались,

кто-то откровенно улыбался. Я расправила плечи, подняла подбородок и направилась обратно к своему кабинету.

Спокойно, Маша, — мысленно приказала себе. — Ты справишься. Это просто работа.

Глава 3

— Это что за тётя Мотя? — спросил Макс, схватив без разрешения рамку с фотографией с моего стола. Его голос сочился насмешкой, а в глазах плясали бесовские огоньки.

Я вздрогнула, сердце пропустило удар. Это была наша с Матвеем фотография — та самая, где мы стоим у новогодней ёлки, смеёмся, а Матвей держит в руках мою кошку Мяту. Самый дорогой мне снимок, сделанный в тот вечер, когда он сделал мне предложение.

— Верни! — я вскочила со стула и попыталась выхватить из его рук рамку, но парень успел увернуться и отбежать к окну, высоко подняв трофей над головой. — На фото мой жених Матвей!

Макс громко рассмеялся, рассматривая портрет, наклоняя его то в одну сторону, то в другую, будто оценивал произведение искусства.

— Жених, значит, — протянул он, и в его голосе вдруг проскользнуло что-то резкое, почти злое. — Когда свадьба?

— Это не твоё дело! — я сделала шаг вперед, чувствуя, как внутри закипает гнев пополам с отчаянием. — Отдай сейчас же!

Вместо ответа он вытащил фотографию из-под стекла и резким движением разорвал ее на две половинки.

— Так-то лучше! — провозгласил он с издевательской

улыбкой.

Я непроизвольно вскрикнула, звук получился сдавленным, почти болезненным. Внутри что-то оборвалось — будто он разорвал не бумагу, а часть меня. В глазах зашипало, но я сжала губы и глубоко вдохнула, запрещая себе плакать.

— Ой, я всего лишь порвал фотку, а ты уже сладко стоишь, принцесса, — он подмигнул, явно наслаждаясь моей реакцией.

— Максим, прекрати! — мой голос дрожал, но я собрала всю волю в кулак. — Ты нарушаешь мои личные границы и... и мешаешь работать!

— Можешь пойти и снова жаловаться моему отцу, — он лениво бросил половинку фотографии на стол, — кажется, это будет уже юбилейная десятая!

Я тяжело вздохнула, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и села на своё рабочее место, уткнувшись в монитор. Глаза зашипало, но я не позволю ему увидеть мои слёзы. Только не ему.

Руки дрожали, когда я распечатала документы. Молча, не говоря ни слова, положила стопку на стол Воронова, сверху — записку, написанную капслоком:

«ДОКУМЕНТЫ СОСТАВЛЯЮТСЯ ОДНИМ ШРИФТОМ, ОДНИМ ЦВЕТОМ И В ЕДИНОМ СТИЛЕ!»

Максим замер, удивлённо приподняв бровь. Он явно не ожидал такой реакции — без криков, без слёз, без жалоб.

Просто чёткое, холодное указание. Пару секунд он смотрел на записку, потом перевёл взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то новое — не насмешка, а скорее... удивление?

— Ладно, — тихо произнёс он. — Понял.

Он взял верхний лист, пробежал глазами по тексту, потом поднял голову:

— А какой шрифт?

Я на мгновение растерялась. Этот вопрос застал врасплох.

— Times New Roman, 13 кегель, — машинально ответила я.

— Понял, — он кивнул и достал свой ноутбук. — Сейчас сделаю всё как надо.

Пока он печатал, я украдкой наблюдала за ним. Его пальцы быстро бегали по клавиатуре, брови слегка нахмурились от концентрации. Он действительно старался. И впервые за всё время мне показалось, что он не просто играет в работу, а действительно хочет сделать всё правильно. В груди что-то дрогнуло. Может, он не такой уж и безнадёжный?

Но тут мой взгляд упал на разорванную фотографию, лежащую на краю стола. Сердце снова сжалось. Я встала, подошла и протянула руку к половинке с Матвеем.

— Можешь забрать, а вторую половинку я убрал в карман, — Макс ехидно улыбнулся.

Я подняла глаза — он смотрел насмешливо.

— Что?

— Верни моё фото, — задыхаясь от возмущения, сказала я.

— Нет, не хочу, чтобы ты была рядом с этим.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Верни сейчас же!

Он растянулся в улыбке:

— Забери сама, видела же, куда я положил.

Не думая, я протянула руку, но потом дёрнулась обратно, понимая, что попала в ловушку. Макс рассмеялся, откидываясь на спинку стула.

— Мария Петровна, если хочешь меня полапать, так и скажи.

Заливаясь румянцем и чувствуя навернувшиеся слёзы, я выбежала из кабинета и тут же наткнулась на Евгения Анатольевича. Воронов как раз заходил к нам. Он бросил на меня мимолётный взгляд и, нахмутив брови, закрыл за собой дверь, оставляя меня в коридоре.

— Какого хрена ты делаешь? — прогремел голос Евгения Анатольевича. — Я обещал тебе, что лишу денег, кажется, сейчас время пришло! Я долго шёл на поводу у твоей матери, но это уже слишком! Сколько можно изводить бедную девчонку?

— Пап, ты серьёзно считаешь, что заработать можно только сидя в твоей конторе? — голос Макса звучал вызывающе, но в нём проскальзывала нотка обиды.

— Я считаю, что мало порол тебя ремнём!

— Жаль, что мне уже не десять, а то слил бы инфу органам опеки.

— Не передергивай. И не надейся, что я скажу «иди на все четыре стороны». Ты будешь ходить на работу и делать то, что я сказал. Или ты забыл, что обещал матери?

— Не забыл, — голос Максима вдруг стал тише, серьёзнее.

Дверь широко раскрылась. Макс посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на отца и, когда снова повернулся в мою сторону, в его глазах плясали бесы. Я инстинктивно отошла назад.

Он сократил дистанцию между нами — и не успела я моргнуть, как он поцеловал меня.

Губы Макса были тёплыми и неожиданно нежными. Время будто остановилось. Я замерла, не зная, что делать: оттолкнуть его или... поддаться этому странному, волнующему ощущению. В голове пронеслось: «Что происходит?!»

Когда он отстранился, я стояла, широко раскрыв глаза, с пылающими щеками и сбившимся дыханием.

Евгений Анатольевич, стоявший в дверях, шумно выдохнул и провел рукой по лицу.

— Макс... — начал он.

— Всё под контролем, пап, я всего лишь принес свои извинения Марии Петровне.

Глава 4

Я лежала в кровати и, составляя привычный список дел на завтра в заметках телефона, никак не могла сосредоточиться. Из головы не шёл Максим — его дерзкий взгляд, тот неожиданный поцелуй в коридоре офиса... От воспоминаний лицо тут же заливалось краской, а ладонь всё ещё слегка покалывало от звонкой пощёчины, которую я ему дала. Внутри всё смешалось: злость, смущение и — что уж скрывать — странное, волнующее чувство.

— Добрый вечер, любимая, — тепло сказал Матвей, широко улыбаясь в камеру видеочата.

Я поставила телефон на подставку и улыбнулась в ответ, стараясь отогнать мысли о Максиме.

— Привет, любимка! Как твой день? Сергей Васильевич оценил твоё выступление перед начальниками отделов?

— Не то слово, всё получилось так, как мы и репетировали, — сияя, как солнечный луч, Матвей начал пересказывать подробности успешного выступления. Его глаза горели гордостью, а голос звучал уверенно.

Мы по очереди читали друг другу планы на завтрашний день, не забыв договориться о совместном походе в ресторан в пятницу вечером. Матвей говорил так воодушевленно, что я невольно улыбнулась — с ним всегда было спокойно, надёжно, предсказуемо.

— Как твой подопечный Максим? — вдруг спросил жёних, и я замерла на мгновение.

Лёгкий холодок пробежал по спине. Впервые в жизни я решила соврать.

— Всё хорошо, — пожимая плечами в камеру, ответила я, делая вид, что этот вопрос не стоит нашего внимания. — Как обычно, строил из себя ребёнка. Богатый, избалованный, неинтересный.

— Если будет обижать, скажи мне, я с ним поговорю по-мужски, — Матвей нахмурился, и в его взгляде мелькнула решимость.

— Хорошо, — я кивнула, чувствуя укол вины.

Закончив разговор, я включила какой-то лёгкий фильм и приготовилась ко сну. Телефон завибрировал.

Евгений Анатольевич: «Маша, если удобно, перезвоните».

Я тут же набрала номер директора.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила я, услышав голос Воронова.

— Машенька, это может показаться дурацким вопросом, но всё же... Макс не у тебя?

— Нет, — твёрдо ответила я.

— Понял. Прости за поздний звонок.

— Евгений Анатольевич, что-то случилось? — спросила я, почувствовав в его голосе тревогу, которая тут же передавалась мне.

Он тяжело вздохнул:

— Макс пришёл домой пьяный. Марина расстроилась. Я... не выдержал и ударил его. Моя жена, у нее больное сердце. Я бы не искал этого... гаденыша, но Марина...

— Я понимаю. Мне очень жаль, — прошептала я, представляя, какой стресс испытала Марина.

— Маша, мне неловко просить... Я знаю, где он может быть, только поехать сам не могу — он начнет играть на публику, и я опять не сдержусь.

Я замерла. В голове пронеслось: «Нет, Маша, не ввязывайся. Это не твоя проблема». Но я уже слышала собственный голос:

— Если вы считаете, что я могу помочь, я готова.

Как говорит мой папа, «отличница на всю голову» — вечно я бросаюсь спасать всех вокруг.

Воронов-старший продиктовал адрес караоке-бара. Надев джинсы и свитшот, я схватила ключи от машины и уже через полчаса была по нужному адресу.

Как только я вошла, в нос ударил пряный аромат табачного дыма и алкоголя. Осматриваясь по сторонам, я искала Макса среди шумной компании, но потом услышала голос:

Я лишь деталь из океана

Вечно солнечных систем...

Я был никем,

Ты побежишь по пути моих захудалых вен,

Просто станешь всем...

Я знала эту песню — Holiday Boy. Слушала её только тогда, когда ехала одна в машине. Матвею никогда не нравился этот исполнитель — он предпочитал классику джаза.

Макс смотрелся на сцене удивительно гармонично: чёрная майка-алкоголичка, чёрные джинсы с эффектом потёртости, растрепанные волосы и стойка микрофона в руках. Его голос звучал хрипловато, но проникновенно, а движения были полны какой-то необузданной энергии. Он был не просто певцом — он жил этой песней.

Он заметил меня не сразу — или сделал вид, что не заметил. Закончив петь, он спрыгнул со сцены и медленно подошёл ко мне. Чем ближе он подходил, тем ехиднее становилась его улыбка, но в глазах читалось что-то ещё — то ли усталость, то ли уязвимость.

— Привет, принцесса! Какая неожиданная встреча, — его голос звучал насмешливо, но без привычной язвительности. — Любишь караоке или хулиганить по ночам?

Я тяжело вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями. В груди бушевала буря эмоций: раздражение на его поведение, беспокойство за него и — что скрывать — странное притяжение, которое я не могла объяснить.

— Максим, твой отец волнуется, — сказала я строго, ста-

раясь не смотреть ему в глаза. — Поехали домой.

Он усмехнулся, склонив голову набок:

— А если я не хочу домой? Что тогда, серьёзная девочка? Будешь воспитывать?

Я сжала кулаки, чувствуя, как закипает внутри. Но вместо того чтобы вспылить, сделала глубокий вдох и посмотрела ему прямо в глаза:

— Я не собираюсь тебя воспитывать.

— Дай угадаю, ты просто выполняешь поручение моего отца

Его улыбка дрогнула, а взгляд на мгновение стал серьёзным. Он помолчал, потом тихо сказал.

— Иди к черту, принцесса.

Макс обошел меня и направился к бару. Двое парней тут же обступили его с разных сторон салютуя бутылками. Я не могла уйти без Максима, как я объясню Воронову, что не справилась с таким простым заданием. Собравшись с духом я подошла к нему.

— Ты можешь злиться на меня, на своего отца и на целый мир, но обижать маму не надо.

— Мария, зануда Петровна, иди домой! — со злостью в голосе приказал он.

— Максим, прошу поехали, — не отступала я.

Он снова посмотрел мне в глаза и я увидела уже знакомых чертят. О, нет.

— Поцелуешь. Пойду с тобой, — наконец сказал он.

Глава 5

— Я пьяных не целую! — грубо бросила я, борясь с желанием сбежать. Сердце колотилось, как после спринта, а ладони предательски вспотели. Я незаметно вытерла их о джинсы, стараясь не выдать, как сильно меня трясёт.

Макс на мгновение завис, будто перезагружался, но уже через секунду его губы растянулись в фирменной ухмылке — той самой, от которой у меня всегда мурашки бежали вдоль позвоночника.

— Ладно, поеду с тобой. Но только потому, что ты так мило злишься, — он подмигнул, и у меня внутри всё перевернулось.

Я вопросительно изогнула бровь. Знала же, что просто так он не сдастся. Воронов кивнул бармену, и тот кинул ему толстовку — та, с капюшоном, в которой он выглядел как подросток с окраины. Макс небрежно натянул её, попрощался с друзьями, галантно пропуская меня вперёд.

Мы сели в машину. Я включила ближний свет, и салон озарился мягким голубоватым свечением приборной панели.

— Может, уже скажешь, что ты задумал? — голос звучал тревожно. Я ненавидела себя за страх, который испытывала в его присутствии, — и за то, как предательски замирало

сердце, когда он смотрел на меня.

— Ничего. Заводи мотор, принцесса, — пожимая плечами, сказал он ровным голосом.

«Вот у кого стоит поучиться самообладанию», — мысленно фыркнула я, вцепившись в руль так, что костяшки побелели.

— Меня зовут Мария, можно Маша. «Принцесса» — это оскорбительно.

Он явно был удивлён. Брови взлетели вверх, а губы дрогнули в улыбке.

— Оскорбительно, ты серьёзно? Как же мне тогда называть тебя? Мать драконов?

Я не выдержала и прыснула со смеху, прикрыв рот ладонью:

— Нет. Родители дали мне имя не для того, чтобы кто-то заменял его на клички и прозвища.

— Тогда они должны были назвать тебя как-то по особенному, а не самым популярным именем Маша.

— Говори адрес, — я закатила глаза, понимая, что спорить с ним — всё равно что пытаться уговорить кота принять ванну.

Максим, не открывая глаз, продиктовал адрес. Мы ехали в тишине. Я покосилась на него — он откинулся на сиденье, густые ресницы отбрасывали тени на скулы, пухлые губы чуть приоткрыты... Чёрт, он даже спящим выглядел слишком привлекательно. В салоне пахло его одеколоном —

что-то цитрусовое, с лёгкой свежестью.

Решившись, я включила второй концерт Рахманинова — мамин секретный способ успокоиться.

— Меня тошнит, — скривился Макс через пару секунд. Я широко улыбнулась и добавила громкости.

— Эй, это жестоко! — он попытался дотянуться до панели, но промахнулся и чуть не упал на меня.

— Считаю это мстью за все твои подколки, — хихикнула я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

Мы выехали за город. Дорога петляла между темными деревьями, фары выхватывали из темноты дорожные знаки. Макс вдруг резко дёрнул ручку громкости:

— Останови машину, если не хочешь, чтобы я её загадил!

Я резко съехала к обочине. Он, не дожидаясь остановки, распахнул дверь и, потеряв равновесие, вывалился наружу.

— Макс! — я выскочила из машины и бросилась к нему. Он сидел на траве, опираясь на локоть, смеялся, хотя и тяжело дышал. Волосы растрепались, толстовка задралась, обнажая полоску кожи на животе.

— Ты в порядке? — я опустилась рядом, вглядываясь в его лицо в свете фар. Его глаза блестели — то ли от алкоголя, то ли от чего-то другого.

— Жить буду, — хрипло усмехнулся он. — Но если ты ещё раз включишь этого... Моцарта?

— Рахманинова, — поправила я, не сдержав смеха.

— Да пофиг! Это как пытка для моих ушей.

Я покачала головой и протянула руку:

— Давай, вставай. Помогу дойти до машины.

Он ухватился за мою ладонь, и когда я потянула его вверх, неожиданно оказался слишком близко. Его рука скользнула по моей талии — и по коже пробежали мурашки. Я почувствовала тепло его тела, уловила запах пота и одеколона.

— Спасибо, Маша, — тихо сказал он, глядя мне в глаза. В этот раз без насмешки. Без бравады. Просто... искренне.

Мы медленно дошли до машины. Я открыла пассажирскую дверь, но он не сел сразу. Вместо этого опустился на траву, похлопал рядом с собой и поднял взгляд к небу:

— Иди сюда. Посмотри.

Я сомневалась, но всё же присела рядом. Над нами раскинулось бескрайнее звёздное небо — миллионы мерцающих точек, рассыпанных по темному бархату. Вдалеке мерцали огни посёлка, а здесь, у дороги, было тихо и безлюдно. Где-то стрекотали сверчки, пахло травой и влажной землей после недавнего дождя.

— Красиво, — прошептала я, завороченная зрелищем.

— Как твои глаза, — тихо ответил он.

Я резко повернулась к нему, но он уже смотрел на звёзды. В груди что-то ёкнуло.

— Очень банально, — пробормотала я, но голос дрогнул.

— Правда, — он повернулся ко мне. В его взгляде было что-то новое — тёплое, почти нежное. — Ты вся... как это небо. Строгая, серьёзная снаружи, а внутри — целый кос-

мос.

Неожиданно Максим лёг на траву и положил голову мне на колени. Я замерла, не зная, как дышать. Его волосы щеко-тали пальцы, а дыхание согревало кожу сквозь ткань джин-сов. Медленно, почти неосознанно, я начала гладить его по волосам — мягко, осторожно, будто боялась спугнуть этот момент.

— Ты несносный мальчишка, — тихо сказала я.

— Говоришь как мой отец. Наверно, поэтому он выбрал тебя, — он усмехнулся, но в голосе не было привычной на-смешки.

Мы молчали, слушая тишину ночи.

— Чуть не забыл, ты должна мне поцелуй, — он приот-крыл один глаз и хитро улыбнулся. — Но не сегодня... Се-годня мы просто смотрим на звёзды.

Так, стоп. Маша, ты не должна здесь быть. Не должна ни-чего чувствовать. У тебя есть Матвей, есть планы на жизнь с ним. Макс обычный мажор, которому понравилась чужая игрушка.

Глава 6

Я привезла Макса к дому его родителей и планировала тут же уехать — вернуться в свою уютную квартиру с видом на парк, заварить мятный чай и наконец выдохнуть после напряженной рабочей недели. Но, конечно же, всё пошло не по плану.

— Маш, пошли со мной? — Макс облокотился на открытую дверь машины, сверкая своей фирменной хулиганской улыбкой. — При тебе отец не станет орать.

Я покачала головой, глядя на внушительный особняк Вороновых — двухэтажный, с колоннами у входа и подсветкой вдоль дорожек. В окнах горел теплый свет, а на подъездной аллее стояли два дорогих внедорожника.

— Уже поздно, а ты большой мальчик, справишься как-нибудь.

— Не будь душной, — он шутливо скорчил гримасу. — Пойдешь, посветишь лицом, услышишь парочку комплиментов в свой адрес и потом поедешь. Обещаю быть максимально милым в понедельник и вторник, на дольше боюсь меня не хватит.

Я тяжело вздохнула и отстегнула ремень безопасности. Макс просиял, ехидно растягивая губы в улыбке, и протянул руку.

Мы вошли в просторную гостиную с высоким потолком и

массивной люстрой. Панорамные окна выходили на сад, где в темноте мерцали садовые фонари. У камина стоял Евгений Анатольевич высокий, подтянутый, в дорогом кашемировом свитере. Он враждебно скрестил руки на груди.

— Привет, пап, — театрально произнёс Макс, остановившись перед родителем.

— Прими душ и зайди к матери, воняешь как бездомный пёс, — процедил тот сквозь зубы, не сводя с меня взгляда.

Чувствуя себя лишней, я приготовилась попрощаться, но Макс меня опередил:

— Маша останется сегодня у нас. — категорично сказал он. — Ночь на улице, нашёл кого посылать за мной. Если бы на неё напали, что тогда?

Взгляд Воронова-старшего изменился. Ему пришлось признать: сын был прав.

— Маша, простите ради бога! — с нежностью в голосе сказал босс. — Я был так зол, что не мог мыслить трезво... Давайте я компенсирую материально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.